

Маркиз Чанпин, с полным ртом доуфухуа*, движимый благородным принципом «одному радоваться — не радость», подозвал стражников:

— Идите сюда, вы все устали! Присаживайтесь, съешьте по чашке доуфухуа, а потом продолжите.

Услышав о передышке, на лицах стражников наконец проступили давно забытые улыбки. Они организованно заняли свободные места, и каждый заказал себе чашку.

Маркиз Чанпин, глядя на дочь, улыбался так, что его и без того узкие глазки превратились в щёлочки:

— А-нуй, хорошая моя, теперь мы вместе наслаждаемся жизнью. — Похлопал по свободной табуретке рядом:

— Садись! Не церемонься!

В сердце Фэн Сяосяо полыхало пламя гнева. — Ты хоть помнишь, что я твоя дочь? — с возмущением выпалила она. — Я уж думала, Чай Цзыжань — твой сын. Взгляни-ка на него, на этого ничтожество! Ты до сих пор не разрешаешь мне расторгнуть помолвку! Мало того — он посмел ударить меня, а ты всё равно не позволяешь! Бывает ли такой отец? — Она резко хлопнула по столу, отчего чашка маркиза задрожала. Тот поспешно прикрыл её ладонями и в три глотка доел. — Цзыжань — хороший муж, сама потом поймёшь.

Фэн Сяосяо плюхнулась рядом и зашипела:

— Да что в нём хорошего-то?

— Дракон молчит, но возгласит — взмывает к небесам; орёл не кружит, но взлетит — обрушится на землю. Чай Цзыжань — именно такая личность.

Высокопарные слова отца рассмешили Фэн Сяосяо. — Чай Цзыжань — и сравнивать с драконом и орлом? Смешно. Он просто пёс, трус и кусок грязи.

Маркиз Чанпин неодобрительно покачал головой. — Не смейся. Расторгнешь сегодня помолвку — завтра же пожалеешь.

Фэн Сяосяо гневно уставилась на отца. — Папа, ты с ума сошёл?

Маркиз Чанпин вздохнул с досадой. — Дочка, это ты сойдёшь с ума, если расторгнешь.

Гнев бушевал в Фэн Сяосяо, требуя выхода, а отец упрямо, без всяких видимых причин, защищал Чай Цзыжана. Злость клокотала всё сильнее. Ей страстно хотелось тут же отыскать Чай Цзыжана, избить его до полусмерти, выпустив пар, а ещё больше — при всех разорвать помолвку, чтобы отец сам увидел, кто потом будет жалеть.

— Маркиз Чанпин, принцесса Цинлань, какая встреча.

Отец с дочерью остолбенело уставились на заговаривающего с ними Мо Цзюцзюня, невольно переглянулись, дабы убедиться, что галлюцинация не на двоих, затем подняли глаза к небу. Несколько облачков плыли по синему небу. Ничего особенного в этот день не наблюдалось.

Скрестив руки за спиной, Мо Цзюцзюнь добавил:

— Не думал встретить вас в таком захолустном уезде Суюй. Вы просто обязаны заглянуть в моё скромное жилище, позвольте оказать вам должный приём.

Отец и дочь, придя в себя и убедившись, что перед ними действительно Мо Цзюцзюнь, поспешно поднялись:

— Господин Цзюцзюнь, здравствуйте!

На обычно холодном лице Мо Цзюцзюня мелькнула непривычно миролюбивая улыбка. — Что привело вас сюда?

Маркиз Чанпин достал из широкого рукава аккуратно сложенный листок бумаги, бережно развернул и, указав на портрет, сказал:

— Это мой будущий зять. Прослышали, что он в уезде Суюй, вот мы с дочкой и...

— Расторгнуть помолвку, — любезно улыбнулась Мо Цзюцзюню Фэн Сяосяо, затем кивнула отцу и бросила на него взгляд, без слов дав понять: этот брак она расторгнет любой ценой.

Маркиз Чанпин остолбенел, замер на мгновение и тихо вздохнул. — Надеюсь, потом действительно не пожалеешь.

Уголки губ Мо Цзюцзюня дрогнули. — Маркиз Чанпин, вы слишком строги. Чай Цзыжань — всего лишь заурядный человек, разве может он заставить принцессу Цинлань сожалеть?

Фэн Сяосяо рассмеялась. — Верно! Чай Цзыжань — просто ничтожество.

Маркиз Чанпин продекламировал:

— Дракон молчит, но возгласит — взмывает к небесам; орёл не кружит, но взлетит — обрушится на землю.

Эти слова Фэн Сяосяо не выносила с детства. Тут же нахмурившись, она поклонилась Мо Цзюцзюню. — Не мог бы братец Цзюцзюнь помочь этой младшей сестрице отыскать Чай Цзыжана?

Хотя её мать и Великая старшая принцесса были сёстрами нынешнего императора, он и принцесса — дети законной жены, а её мать — наложницы. Отношения матери с императором были неплохими, а вот со Старшей принцессой — так себе. В молодости сёстры из-за некоторых прошлых событий повздорили и постепенно прекратили общение. Хотя Фэн Сяосяо и приходилась Мо Цзюцзюню двоюродной сестрой, их отношения были куда хуже, чем у него с Чай Цзыжанем.

Фэн Сяосяо ожидала, что Мо Цзюцзюнь станет увивать или вовсе откажет, но тот без промедления согласился:

— Хорошо. — Услышав это, она сначала опешила, затем обрадовалась и поклонилась:

— Благодарю брата Цзюцзюня.

Маркиз Чанпин помрачнел, тихонько потянул дочь за рукав. — А-нуй, сейчас обеденное время, не будем отвлекать господина Цзюцзюня. — Не обращая внимания на её недовольство, он слащаво обратился к Мо Цзюцзюню:

— Мы с дочерью как раз...

Мо Цзюцзюнь бесстрастно бросил:

— Расторгните помолвку, а потом пообедаете. Невелика важность!

Фэн Сяосяо, не ожидавшая встретить столь горячего сторонника разрыва, обрадовалась:

— Братец Цзюцзюнь прав! Прошу, проводите нас!

Маркиз Чанпин встал между ними, преграждая путь, и с натянутой улыбкой воскликнул:

— Как это неважно! Помолвку договорили моя жена и мать Цзыжана, когда вы были детьми. Пусть матери Цзыжана уже нет в живых, но моей-то жене надо сообщить!

Фэн Сяосяо отпихнула отца на несколько шагов. — Папа, не хлопочи. Мама сама не рада, что я связана с этим Чай Цзыжанем, и я даже принесла залог помолвки. — С этими словами она достала из-за пояса медную монету Жуи. Монетка была изящной, прозрачно-зеленоватой, гладкой и тонкой, с выгравированными на лицевой и оборотной стороне датами рождения жениха и невесты — символом счастливого союза, благополучия и многочисленного потомства.

В глазах Мо Цзюцзюня мелькнул неясный свет. — Матери молодых постарались на славу, даже подготовили соединяющую монету Жуи.

Фэн Сяосяо сжала монету в руке, так и хотелось швырнуть её оземь и навсегда порвать с этим Чаем. Тогда уж никто не посмеет дразнить её «невестой Пса Чая».

Маркиз Чанпин, уцепившись за рукав дочери, не сдавался:

— У тебя же сейчас никого нет. Расторгнешь помолвку — вдруг потом не найдёшь подходящего, упустишь прекрасную партию. Как тогда быть?

Фэн Сяосяо, взбешённая, дёрнула рукав. — Папа, как тебе не стыдно! Если я буду связана помолвкой с Чай Цзыжанем, как я смогу искать любимого человека? Я что, похожа на девицу из веселых кварталов? Как мне потом людям в глаза смотреть?

Маркиз Чанпин схватился за голову. — Не в том смысле! Я хочу сказать, сейчас ты Цзыжана не любишь, но, может, позже...

Мо Цзюцзюнь скосил глаза на двух телохранителей по бокам. Те автоматически преградили путь маркизу, всем видом показывая: тронешься — мигом уложим.

Фэн Сяосяо с беспокойством взглянула на отца. Мо Цзюцзюнь сказал:

— Времени в обрез. Пойдёмте скорее.

Хотя Фэн Сяосяо и удивляло, почему Мо Цзюцзюнь ратует за разрыв больше её самой, тщеславие, презиравшее Чай Цзыжана, взяло верх. Холодно бросив отцу взгляд, она улыbnулась. — Иду рвать помолвку.

Маркиз Чанпин хлопнул себя по лбу и простонал:

— Нынче те, кто подкапываются, совсем обнаглели. — Прищурился свои маленькие глазки (хоть

и побаивался двух молодцов-телохранителей), ради почти уплывшего зятя осторожно засеменил вбок. Видя, что те не препятствуют, поспешил за дочерью — авось ещё удастся всё исправить.

...

— Господин, господин, господин, господин! — Юань Хан ворвался в покои, метнул взгляд по комнате и, не обнаружив господина, ринулся в задний двор к виноградной беселке. Как и предполагал, господин мирно почивал под лозами.

Дело было срочное, и Юань Хан забыл о субординации. Принялся трясти господина за плечо, причитая:

— Беда, беда, беда, беда!

Чай Цзыжання от тряски замутило. С тёмными кругами под глазами и скорбным лицом он уставился на слугу. — Сам ты в беде. У меня всё отлично.

— Господин, ваша главная головная боль здесь.

*Доуфухуа — сладкий или солёный десерт/закуска из очень нежного тофу, по консистенции напоминающий пудинг или йогурт.

<http://bllate.org/book/15931/1423852>